

Любимое воспоминание — это возвращение моего папы с учений. Это было целое событие! Мне давали первому с разбега запрыгнуть папе на шею и прижаться со всей силы к папиной небритой щеке. И острые звездочки на шинели, царапали так по-родному!

Потом было торжественное вручение подарков на кухне. Маме обычно разные платочки, а мне редкие тогда игрушки–индейцев. Ну а дальше был ужин, обычно папина любимая картошка в мундире с селедкой и с замороженным и тонко нарезанным белым салом.

Разошлись мои родители странным и для меня абсолютно непонятным образом. Мне только-только исполнилось шесть лет. Я был слишком мал и не мог понять, отчего, когда я входил к ним в комнату, они внезапно замолкали, и никто из них не мог смотреть мне в глаза. Потом кто-то из них, чаще это был папа, брал меня на руки и пытался со мной играть. Как раньше втроем, взявшись за руки, уже не гуляли. А мне так нравилось поджимать ноги и просить папу с мамой побежать, так быстро, как ветер!

Теперь гулял со мной кто-то один.

Потом папа ушел. Забиравшая меня из садика мама - поведала: — Папа ушел к другой тёте, и мы не будем больше жить вместе, но ты, сынок, не расстраивайся, теперь у нас все будет очень хорошо!

Говорила, что скоро жизнь наша чудесным образом изменится. Я ей не сказал ни слова. Не заплакал. В голове у меня повторялся один и тот же вопрос:

— Как может быть лучше без папы? Как?

Странная жизнь совсем без папы продолжалась около месяца.

Папа стал приходить к нам в октябре для того, что бы погулять со мной. Каждую субботу в одиннадцать. Я видел, что он чувствует себя крайне неловко. Впрочем, так же, как и мама. Мне очень хотелось взять папу за руку. Подвести его к мамочке. Взять маму другой рукой, вложить их руки друг в друга и попросить их улыбнуться. И случится чудо — они помирятся! И всё станет, как было раньше! Папа улыбнется краешком губ, мама заразительно засмеется, и мы побежим все вместе, вприпрыжку по первому снегу! Но я так и не решился этого сделать. О чём сожалею и посей день.

Мы с папой гуляли, иногда молча, иногда болтая обо всем на свете. Возле дома отец всегда останавливался и говорил:

— Сын, — или, иногда — «сынулина», — Береги мамулю. Она чудесная.

Или:

— Сынуля, читай книжки. Скоро школа и я не хочу, чтобы меня ругали из-за тебя.

Запомнился мне один из вечеров, когда он, подводя меня к дому, сказал следующее:

— То, что я тебе сейчас скажу, ты, мой сын, должен запомнить сам и передать своему сыну! Книги — они живые. У каждой книги своя жизнь. И созданы они для того, чтобы отвечать на вопросы. Читай умные книги, и они дадут тебе ответ на любой вопрос. Они научат тебя всему, что надо уметь в жизни! Например, как вырасти честным и сильным, чтобы все вокруг считали тебя настоящим мужчиной. И ты всегда сомневайся в том, что тебе говорят люди! И не важно, кто это, то ли учителя, то ли друзья во дворе, то ли соседи — не сомневайся только в тех книгах, которые ты читаешь! И потрепав волосы у меня на голове, сказал на прощание, как говорил всегда: «Ну, беги, давай»!

Папа уходил в сторону автобусной остановки, а мелкий снег падал и падал на его красивую военную серую шинель, припорошивая шапку и офицерские погоны со звездочками. Хотелось крикнуть ему вслед, побежать, прижаться к нему, обхватить за ноги, и слыша такой родной и знакомый запах папы, который замешивался из запаха военной формы, крема для обуви, табака, кожаной португепи, и закричать во весь голос:

«Папочка, не уходи! Как плохо мне без тебя, папуля! Хочу, хочу, чтобы было все как раньше!». И заплакать, плакать, не переставая, кадая слезами на серую, любимую безупречную офицерскую шинель. И избавиться от душевной боли, переживая вновь и вновь присутствие на плече сильные отцовские руки. Но я не делал этого. А просто смотрел, как он уходит. Снежинки падали на меня, на мое лицо, поднятое в немой мольбе к темному небу, и таяли, смешиваясь со слезами, которые бежали по моим щекам. Всё было неправильно. Так не должно было быть. Но было.

Жизнь продолжалась. Как-то весной мы с его друзьями поехали на пикник. Мы с папой начали играть в первопроходцев и пробрались через очень густые и сложные заросли и вышли на красивую песчаную полянку и, пройдя по ней, подошли к воде. Я услышал звук моторной лодки, повернул на звук голову и увидел, мечту мальчишек моего двора, идущую по течению серебристую моторную лодку-казанку, с тремя мужиками в ней. Они тоже заметили нас и, перекинувшись какими-то словами, резко изменили направление и направили лодку в нашу сторону. Папа взял меня за руку, резко меня развернул и пошел в сторону зарослей. Я услышал звук того, как лодка уткнулась в песчаный берег, и заглох мотор.

Самый рослый из них спрыгнул в воду первым и крикнул:

«Э, мужик, стоять, сигареты у тебя не будет?».

На ходу повернув голову назад, увидел, что к нам бегут трое.

Им было по двадцать, может больше, но не более тридцати лет. Длинные волосы и в расклешенных джинсах.

Сын, не надо оборачиваться, идем быстрее, это шпана, не связываемся, — очень тихо сказал папа и мы ускорили шаг.

«Эй, ты че, мужик не понял, кому я сказал стоять! Сигаретой угости!» — прозвучало уже за самой моей спиной.

Мы остановились. Папа повернулся назад. И очень тихим голосом — я не помню, чтобы мой папа разговаривал таким тихим голосом — ответил: Лезгинку станцуешь — дам тебе сигарету.

— Чего-чего, — произнес парень с заячьей губой

— Это ты кому сказал, — прохрипел гнусавым голосом третий мужик с грязными длинными волосами и плюнул папе под ноги зеленой соплей.

Она приземлилась в нескольких миллиметрах от папиных кроссовок. И сразу стала покрываться желтыми песчинками. Они нас взяли в полукруг, оттеснив нас от спасительных, по моему разумению, зарослей.

Позади нас искрился быстрым течением Иртыш. Папа плавно переместил меня себе за спину, резко пригнулся ко мне и прошептал в ухо:

— Когда начнется драка, беги в кусты, понял? — И уже громким голосом сказал:

— Да, все трое станцуйте и получите это, — и он бросил перед ними початую пачку папирос.

— Да ты совсем борзый, а мужик, — и из его рта полилась грязная ругань.

— Будешь ругаться при ребенке, в угол поставлю, сосунок! — от того, что папа резко повысил голос, двое парней, подбежавшие к первому, даже немного отодвинулись.

— Вижу ты мужичок, борзый, да? Да мы сейчас и тебя и твоего недоноска поимеем! — парни загоготали.

— А ну, ботаник, кошелек сюда или зарежем обоих. Так понятнее? — гундосый засунул руку в карман и достал выкидной нож. Послышался сухой и резкий металлический звук — это открылось его лезвие.

Давай по-хорошему — останетесь живы, нет — и тебя зарежем и сынка твоего в свидетелях не оставим!

Длинноволосый парень прыгнул ко мне и схватил за шиворот. Папа резко с разворота ударил его своей ногой куда-то между пяткой и серединой его кеда. Послышался странный тихий звук, как будто под водой ломают сухую веточку, лохматый охнул и начал заваливаться на подкосившуюся ногу и потянул меня за мою рубашку за собой. Рубашка начала с меня слазить, налезла на голову и закрыла мне видимость. Лохматый повалил меня на песок, и попытался встать. Но нога его не слушалась, и у него получилось

только встать на колени. И он вдруг закричал:

— «Губа», он мне ногу поломал — мочи его!

Парень с заячьей губой, звериным чутьем, вдруг понял, что папа один — сильнее их всех, да и не боится их, несмотря на ножи в их руках, и скорее всего проигрыш стаи неизбежен. Он крикнул гундосому:

— Гуня, мочи его!

Гундосый сунул руку с ножом папе в лицо, а парень с заячьей губой в два прыжка оказался возле меня и приставил нож к моему горлу.

Я почувствовал холодный металл возле шеи, перегар, смешанный с потом и вонью несвежей одежды. Ноги меня перестали слушаться и я оцепенел.

Папа увидел, что произошло, и поднял руки, одновременно говоря:

— Всё мужики, всё, ваша взяла, только не трогайте сына!

Гундосый засмеялся, подошел к папе сбоку. Папино внимание было сосредоточено на мне и парне с заячьей губой. И я увидел, что гундосый отводит руку для удара ножом за папиной спиной и папа этого просто не видит!

Я закричал что есть силы, даже не закричал, а завизжал, завыл и из моего горла вылетело:

— Папа, сзадиииии..!

Одновременно я схватил лезвие возле своего горла двумя своими ручонками, немного отвел от себя нож, и укусил, что есть мочи за кисть с грязными ногтями и татуированной буквой «С», и с точкой между большим и указательным пальцем! Боли я не чувствовал. Чувствовал попытку «заячьей губы» вырвать из моих рук свой нож, который уже стал липким от моей крови. Он бил меня второй рукой по голове, а я продолжал издавать звук похожий одновременно на звериный рык и словосочетание «папа, сзади!».

Оседая на песок, я увидел, что папа неведомым образом присел и с разворота ударил гундосого в кадык, одновременно перехватывая кисть, в которой был нож. Гундосый всхлипнул и как столб рухнул возле ног папы, который продолжал держать его за кисть. Выхватив из обмякшей руки гундосого «финку», папа одним прыжком оказался возле нас и стал наносить «заячьей губе» удары ножом гундосого, которые глухими ударами отдавались в мою спину через обмякшее тело бандита..

От невыносимой боли в руках и голове, у меня потемнело перед глазами, и я стал проваливаться в бездонную черную пропасть..

Когда я пришел в себя, то почувствовал, что я раздетый лежу на самом берегу Иртыша, и меня моют холодной водой и ощупывают теплые папины руки. Боль пришла внезапно и везде. Болели ладони, даже не болели, а горели огнём, и любое мое движение приносило резкий взрыв боли. Болело

ухо и правая часть головы. Правый глаз отек и не хотел полностью открываться.

Папа внимательно меня осмотрел и сказал:

— Все в порядке, сынулина, все в порядке, все позади, мы справились.

Я увидел, что два его друга спешно закидывают что-то в овраге свежесрезанными крупными ветками. Он перехватил мой взгляд и сказал:

— Сын, на этом свете достаточно мусора и среди людей, трех из них ты видел. Это шпана. Отбросы. Это не люди. Не жалей их. Просто запомни, что их нельзя бояться! Им нельзя показывать слабинку. Нельзя подняв руки сдать. Зло, как бы оно не выглядело, и в каком количестве бы не было, должно мгновенно получать отпор. И не важно, сын, что возможно зло выглядит сильнее, чем ты. Важно не сдаваться. Ты сейчас живешь, потому что твои русские предки никогда не сдавались! Помни, когда заканчиваются силы – остается характер. Побеждает не сила. Побеждает дух. Бог не дает сильным храбрость, Бог дает храбрым силу! Промолчишь, испугаешься, отдашь деньги и будешь оправдывать себя, что главное выжить, значит, ты зря живешь на этой планете, значит ты трус. Значит ты не мужчина. Ну а те, кто может убить или изнасиловать ребенка просто не должны ходить по этой земле. Ты не струсил. Я горжусь тобой. А сейчас мы поедем к нашему соседу, дяде Леше в больницу и он зашьет тебе все твои боевые раны, — и папа улыбнулся.

Зашивали меня довольно долго. Папа не отводил глаз с рук дяди Леша, а я не сводил глаз со своего папы! Я смотрел и смотрел на него. Меня распирало от гордости, что у меня такой папа! Как в кино, он справился со всеми! Как самый настоящий герой! Как в тех книжках, которые он мне читал на ночь о русских богатырях! И это все мой, мой папочка!

Жаль, что никому из моих друзей нельзя было об этом рассказать.

А мне так хотелось поделиться нашей общей победой! Рассказать всему свету, что мой папа настоящий герой, как в кино!

Но он попросил меня молчать. До тех пор, пока у меня не появится сын.

И я дал ему слово и его сдержал.

Я не видел больше своего папу. Через неделю он уехал в Польшу. А еще через три месяца папа погиб. На учениях у одного из его солдат выпала боевая граната из рук, и он, не раздумывая прыгнул на нее и прикрыл собой, своим телом, всю свою роту.

Стрелковая рота это сто один человек. Сто один сын, которого ждали дома отец и мать. И сколько из них бы погибло или было ранено, если бы мой отец не проявил мужество, знает один Бог.

К нам домой пришло сто одно письмо со словами, которые нельзя читать без слез и сейчас. Они пришли к нам со всех концов страны. Храню их и сейчас.. Мама не поехала на похороны. Ей было некогда. Она была занята сборами к переезду. Ну а потом мы переехали в Крым, где я и живу сейчас.

Портрет моего отца в красивой рамке висит на стене рядом с иконами в моем доме. Улыбаясь уголками губ, он смотрит на меня из далекого прошлого. Не всегда я могу смотреть ему в глаза. Я не совсем такой, как он. В моей жизни бывало, что я не связывался и иногда терпел быдло, бывало, терпел и хамство. Не наказывал немедленно негодяев. Я добро без кулаков. Когда папа погиб, ему было тридцать один, как сейчас мне. Я тоже стал военным, но меня одолевают мысли, что я уже не стану таким настоящим, таким правдолюбивым, таким сто процентным русским офицером, каким был он. Иногда я просыпаюсь по ночам, мокрый от слез, и, понимая, что мне снился сон, в котором я все-таки смог закричать — «Папочка, не уходи!». Догонял его и прыгал к нему на руки, а он, поднимая меня смеялся, щурясь и улыбаясь такими родными и добрыми глазами, говорил:
— Ну что ты, сынулина... Конечно, не уйду...

Крым. Россия. weretelnikow@bk.ru